

**(НЕ)МЫСЛЯЩАЯ РОССИЯ.
АНТИТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНСЕНСУС КАК ФАКТОР
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СТАГНАЦИИ¹**

Н.С. Розов

*доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
Института философии и права
Сибирского отделения РАН,
профессор
Новосибирского государственного университета*

*Интеллектуальная засуха заливают нас
дождями слов
Станислав Ежи Лец*

***Интеллектуальные разговоры —
замещение интеллектуального творчества***

Почему вместо судеб, достоинств и грехов российской интеллигенции следует обсуждать природу интеллектуальной стагнации в России?

Возобновившаяся вдруг дискуссия об интеллигенции² оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, действительно произошел подъем на новый уровень рефлексии (возможно, благодаря внешней позиции эмигрировавшего в Англию четверть века назад зачинщика дискуссии — А.Кустарева). Теперь социально-конфликтные и идейные основания привычных фигур поношения и превознесения интеллигенции проговорены, что должно послужить хоть каким-то противовесом. С другой стороны, даже в «новом раунде рефлексии» во многом воспроизводится бесплодный и бесперспективный «дискурс» бесконечного нитя разочарованных в жизни и себе чеховских интеллигентов, смешанный с критиканством, утопизмом и ложным глубокомыслием советских кухонь. Разговор о себе — это действительно «важнейшая форма суще-

¹Работа выполнена в рамках Комплексного интеграционного проекта СО-РАН 2006 № 7.4

² См.: [14]. Тематические разделы: «Интеллигенция» (Логос. 2005. № 6), «Интеллигенция — новый раунд рефлексии» (Неприкосновенный запас. 2006, №3), ряд материалов и обсуждений в Интернете.

ствования» российской интеллигенции,³ но из данного тезиса следует выводить отнюдь не оправдание «нового раунда рефлексии», а указание на то, что следует, в конце концов, заняться чем-то более существенным и плодотворным.

Вместо обсуждения и тем самым умножения интеллигентских разговоров, которых предостаточно, я предлагаю обсудить интеллектуальное творчество и причины того, почему его в современной России прискорбно мало, причем, мы к этому привыкли и считаем нормальным состоянием.

Увы, фигура «интеллектуала» в отношении к «интеллигенту» уже стала одной из главных тем нынешнего «раунда рефлексии». В начальной рубрике «Интеллигент и интеллектуал» статьи «Интеллектуалы» Виталий Куренной сочувственно приводит пространную цитату из «Священной книги оборотня» Виктора Пелевина, где различие интеллигенции и интеллектуалов проводится посредством весьма брутальной политико-сексуальной метафоры [13, с. 7]. Следует признать, что Пелевин точно ухватил суть новоинтеллигентской фобии по отношению к таинственной и инфернальной фигуре «интеллектуала»: его нечестивая близость к власти, тотальный цинизм и продажность, титаническая энергия и эффективность, оставляющая старорежимных интеллигентов абсолютно неконкурентноспособными.

Хорошо, что кроме этих мифологем есть ясное, четкое и вполне нейтральное социологическое понятие: «Интеллектуалы — это люди, которые производят деконтекстуализированные идеи. Предполагается, что эти идеи верны или значительны вне каких-либо местных условий, какой-либо локальности и вне зависимости от того, применит ли их кто-либо на практике» [12, с. 65]. Далее я буду использовать термин именно в этом социологическом значении. Соответственно, интеллектуальная стагнация — это затяжное и ставшее привычным отсутствие самостоятельного производства идей, значительных самих по себе, вне зависимости от политической конъюнктуры или какой-либо видимой практической пользы.

«Мыслящая Россия» — тотальный дефицит творческого научного мышления

Обратимся к картине современного состояния социально-гуманитарной мысли в России. Сейчас появилась возможность не только следовать своим субъективным впечатлениям и оценкам относительно этого состояния, но также опираться на обобщение взглядов достаточно широкого круга солидных экспертов. Посмотрим, как представляют ситуацию участники проекта, названного достаточно помпезно «Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений».

Симон Кордонский: «Социальные ученые в большинстве своем такие же обыватели, как и играющие на лавочке в шахматы пенсионеры, только их мне-

³ См. редакционное предисловие к указанному разделу журнала: НЗ. 2006. №3. С.3.

ния, верования и предрассудки выражаются калькированными с английских терминов словами» [18, с. 27].

Вадим Радаев прямо пишет о загнивании и неререформируемости академических институтов, об отсутствии мобильности и ротации кадров даже в лучших университетах (сам В.Радаев — проректор Высшей школы экономики), о полупрофессионализме, низком уровне исследований, цинизме и «прагматическом психозе» молодежи [10, с. 35-45].

Борис Дубин сетует на отсутствие значительных интеллектуальных событий при видимом обилии «интеллектуальных журналов» [9, с. 50-57].

Александр Иванов указывает на уход гуманитарности из российской жизни, на то, что наше время — «это годы невероятно бедные в интеллектуальном и духовном отношении» [19, с. 56].

Борис Капустин отмечает, что «при нынешних гораздо больших возможностях для свободомыслия, чем в советский период, наша политическая теория *в целом* выглядит более робкой, прирученной и какой-то вторичной, чем, во всяком случае, неофициальная политическая мысль советского времени» [21, с. 63]. Справедливости ради нужно признать, что Б.Капустин с оптимизмом смотрит на молодое поколение российских политических философов.

Олег Кильдюшев пишет о «концептуальном кризисе русской внешнеполитической мысли» [11, с. 161].

Александр Филиппов развивает свой давний тезис «Теоретической социологии в сегодняшней России нет» [28, с. 185-204]. Еще в середине 1990- гг. он писал о том, что «у нас нет обширных и постоянных коммуникаций, тематизирующих, прежде всего фундаментальную социологическую теорию, нет обширных концептуальных построений, нет достаточно самостоятельных последователей (во всяком случае, круга последователей) какой-либо признанной западной школы, нет и заметных претензий на создание своего собственного большого теоретического проекта» [28, с. 185]. Теперь, как признает А.Филиппов, вроде бы «процесс пошел», создано множество кафедр, лабораторий, журналов, появляются огромные объемы печатной продукции с этикеткой «социология», но реальных достижений в теоретической социологии, по мнению Филиппова, нет как нет. «Что сюда только не подмешивается! – патетически восклицает он, – И плохо переваренная русская религиозная философия начала прошлого века, и дурная историософия, и темные рассуждения о материях *как бы* естественно-научных (от биологии до географии) и т.п.» [28, с. 189].

Лев Гудков гораздо более благожелательно пишет о центрах эмпирических социологических исследований (будучи сам сотрудником бывшего ВЦИОМа, ныне — Левада-Центра), но его критика «сознания российской социологии» оказывается не менее жесткой, чем у цитированных выше авторов. «"Слепым пятном" исследовательской оптики и сознания российской социологии является все, что относится к тоталитарному прошлому страны: антропология советского человека, имперские традиции, культура патернализма, т.е. сам

характер крайне репрессивного и внутренне агрессивного общества. Пытка уйти, не замечать это прошлое, акцентируя нынешнюю тематику «транзитологических подходов» или опасности глобализации для России, оборачивается возрождением геополитических идеологических конструкций о месте и приоритетах России как великой державы. Социологические журналы и учебники полны разнообразными рассуждениями об «особости российского пути», с одной стороны, и навязчивыми попытками измерить, насколько мы соответствуем параметрам «нормальной цивилизованной страны» — с другой» [5, с. 219].

Виктор Воронков фиксирует практически полное тождество официальной постсоветской и советской социологии и указывает на характерные общие черты. «Хотя формально социология в России уже, разумеется, советской себя не называла, однако все родовые черты последней (ангажированность и партийность — теперь многопартийность, отделение преподавания от исследований, слабое знание социальной теории и отсутствие к ней интереса, приоритет общественной актуальности перед научной, неразвитость дискуссии, отсутствие рефлексии, жесткая формальная иерархия, абсолютизация количественных методов, господство структурного функционализма в методологии) сохранились и не претерпели существенных изменений» [3, с. 222].

Затем В. Воронков (директор Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге) поет оду «альтернативной социологии», которая обособилась от официальной 1) институционально, 2) в кадровом отношении (новая генерация социологов с западным образованием) и 3) в концептуально-методическом плане (отказ от позитивизма, приверженность «полипарадигмальности», социальному конструктивизму, этнометодологии, феноменологии, феминистской критике и качественным методам). К сожалению, В.Воронков не приводит примеры значимых плодотворных исследований и достижений «альтернативной социологии», зато достаточно трезво указывает на такие ходовые в данных сообществах стратегии как «съем».

«Чаще всего ученый брал вычитанную идею в ее первозданности, упаковывал ее в российский материал и публиковал как собственный вклад в науку» [3, с. 227]. Оправдание же такого подхода видится в том, что «широкие социологические массы» получают возможность познакомиться с новыми заморскими идеями».

Судя по обзорам Р.Дзарасова, Д.Новоженова и В.Новикова в отечественной экономической науке ситуация существенно лучше. Есть несколько артикулированных и дискутирующих друг с другом научных школ (эволюционно-регулятивная и радикальная школы, либералы-неоклассицисты, либералы-«австрийцы», неоинституционалисты и др.). К сожалению, относительно благополучное развитие экономической науки никак не влияет на саму экономику страны, судя по всему, стагнирующую, преимущественно экспортно-сырьевую и чреватую кризисами. Неслучайно, спорящие между собою школы объединяет

только одно: каждая школа проводит резкую критику сложившейся в стране экономической системы, а также критикует власть, особенно за то, что та не следует рекомендациям именно данной школы экономической мысли.

Гораздо менее благополучна ситуация с российской демографией, как реальностью, так и наукой. А.Вишневский рисует картину удручающего контраста между звонкой политической риторикой относительно проблем народонаселения и плачевным состоянием научной демографии в России (до сих пор нет специализированного института, почти все исследования выполняются на зарубежные гранты, молодых кадров нет, лучшие уезжают за рубеж, не видя здесь перспектив и т.д.) [7, с. 257-272].

Регионалистика, судя по авторитетным суждениям Ю.Перелыгина [23, с. 299-306] и В.Глазычева [1, с. 307-316], находится на робкой начальной стадии развития, примерно сходной с ситуацией советской социологии в 1960-х гг.

Три статьи о восприятии современной российской мысли во Франции, Германии и США [16; 8, с. 319-352] имеют общий и предсказуемый лейтмотив: Россия для указанных стран остается далекой и, мягко говоря, не самой интересной периферией, отношение к ней преимущественно объектное (изучать, что там происходит), а не субъектное (интересоваться тем, о чем думают и пишут сами русские). Музыка, театр, кино из России привлекают некоторое публичное внимание, сохраняется уважительное отношение к российским достижениям в математике и естествознании, тогда как современная философия, социальные и гуманитарные науки почти никакого интереса не вызывают. Можно, конечно, сетовать не вековечный снобизм Запада по отношению к России, но с важной поправкой: в свое время труды многих русских ученых-гуманитариев получали признание и даже вошли в классику мировой мысли (буддолог Ф.Щербатской, политический писатель Л.Троцкий, психологи Л.Выготский и А.Лурия, филологи М.Бахтин, В.Шкловский, В.Пропп, Р.Якобсон и др.).

Примечательным оказывается полное изъятие философии из «картографии интеллектуальных направлений» современной России. Подозревать в неприятии этой важнейшей сферы мышления автора проекта В.Куренного не приходится (журнал «Логос», в котором он является научным редактором, отслеживает современные проблемы и идеи философии, правда, преимущественно, западные). Остается признать либо упадок отечественной философии, либо падение интереса к ней интеллектуального сообщества, либо взаимоусиление обоих факторов. Грустно, что мой давний тезис о глубоком и затяжном кризисе отечественной философии, ее периферизации, подтверждается [27, с. 551-579].

Почему российская геополитика не становится наукой

Геополитика — пожалуй, наиболее популярная тема в публицистике и политической риторике. Не говоря уж о том, что имеется гораздо больше претендующих на профессиональную компетентность в геополитике, чем в экономи-

ке, социологии, регионалистике, демографии. Интерес и общественное внимание есть, исследовательские центры есть во множестве. Однако значимого продвижения в данной области российского общественнознания пока не замечено. Почему? Рассмотрим этот вопрос подробнее, может быть, это приблизит нас к пониманию общих причин интеллектуальной стагнации.

Статья Бориса Межуева подтверждает ощущение крайней идеологизированности, ангажированности, весьма низкого собственно научного и исследовательского уровня данной области социального познания [17, с. 284-298]. Апелляции отечественных авторов к стародавним идеям Маккиндера и Хаусхофера показывают также удручающее невежество по отношению к по-настоящему научным зарубежным концепциям последних десятилетий. Мои попытки ознакомить с ними отечественных «геополитиков», как видно, не увенчались успехом [2].

Любопытно, что и сам Борис Межуев, судя по всему, не видит значимости и перспектив собственно научных: эмпирических и теоретических исследований в области геополитики. Присмотримся к следующему пассажиру:

«Пока большая часть вышеуказанных течений продолжает развиваться скорее в рамках более или менее обоснованных публицистических деклараций. [...] Геополитические школы в России пока не представили убедительных политико-географических аргументов в свою пользу. *В какой-то мере виной тому принципиальная зависимость геополитики от внешнеполитической конъюнктуры: те или иные процессы на поверхности земного шара неизбежно вносят коррективы в самые изоциренные и на первый взгляд хорошо обоснованные геополитические концепции*» [17, с. 298. Выделено мной — Н.Р.].

Итак, обоснованных научных концепций в российской геополитике нет, поскольку «процессы» вносят в них «коррективы», а поэтому данные концепции вынуждены оставаться публицистическими (читай, конъюнктурными и сиюминутными). Что же такое «коррективы» для настоящей научной концепции или гипотезы? Это подарок судьбы, естественный эксперимент, ценнейшая эмпирическая проверка. А вот если «коррективы» мешают концепциям, значит, изначально в них не было ни грана научности, объективности, обоснованности, что, собственно и требовалось доказать.

Впрочем, отрицание возможностей собственно научных геополитических исследований — это, видимо, не обсуждаемое и само собой разумеющееся общее место среди авторов, пишущих на данные темы. Оставим в покое «идеологов» и «вождей», использующих геополитический дискурс как новую мифологию, символ веры или риторическое орудие. Действительно интересный, самостоятельно мыслящий исследователь Вадим Цымбурский пишет, что геополитика «начинается там, где налицо — пусть в замысле или умственной модели — волевой политический акт, отталкивающийся от потенциалов, усмотренных в конкретном пространстве», «восприятие мира в политически заряженных географических образах» и т.п. [29].

Здесь явственно видно смешение геополитики как реальности (взаимодействия между сообществами относительно военно-политического контроля над территориями и акваториями) и геополитики как дисциплины, изучающей эту реальность. Такое раздвоение значений (область реальности и изучающая ее наука) характерно для множества других терминов (история, экономика, география, геология, демография, анатомия, физиология и проч.), но в них почему-то путаницы не возникает. В реальных политических решениях и действиях действительно присутствуют осознанные или нет геополитические модели и концепции, но то же касается экономической, культурной, демографической, экологической политики.

Кроме того, нет никаких весомых причин для отказа от стандартного разделения научной дисциплины геополитики на *фундаментальную* (чем занимались в свое время К.Уолтц, Р.Коллинз, А.Стинчкомб, Р.Гилпин, Дж.Модельски, Дж.Тернер, Д.Додни, Дж.Паркер и др.) и *прикладную* (работы Г.Киссинджера, Зб.Бжезинского и др.). Действительно, у классических авторов, начиная с Ф.Ратцеля и Р.Челлена, можно видеть синкретическое единство фундаментального и прикладного (в том числе политико-идеологического) аспектов, но даже в их трудах вполне можно отделить нейтральные концептуальные модели от политических установок, идеологических ценностей и практических рекомендаций. Почему отечественные авторы обрекают и современную науку геополитику в России на участь аморфной полу-науки-полу-идеологии-полу-политической-практики, остается неясным.

Причины интеллектуальной стагнации

Сборник «Мыслящая Россия» позволяет теперь говорить о стагнации всей социально-гуманитарной мысли в России, несмотря на растущее обилие книг и статей (см. эпиграф из «Непричесанных мыслей» Ежи Леца) и отдельные неплохо поставленные отрасли исследований (экономический и демографический анализ, социологические опросы). Сам проект «Мыслящая Россия» хорош, прежде всего, тем, что был поставлен жесткий диагноз: *Россия оказалась немыслящей, или же мыслящей плоховато, неряшливо и провинциально.*

Каковы же причины интеллектуальной стагнации? Разделим их на внешние, относящиеся к социальному бытию самих интеллектуальных сообществ и их окружения, и внутренние, относящиеся к образу мыслей, ментальным стереотипам, установкам и предубеждениям, «слепым пятнам» сознания и проч. (Если угодно, можно сопоставить внешние и внутренние причины с достопамятными «социальными и гносеологическими корнями»).

Многие внешние причины широко известны и проговорены, в том числе участниками проекта «Мыслящая Россия»:

- инерция советской системы организации науки,
- захват ключевых позиций академической номенклатурой, заинтересованной лишь в сохранении своего положения,

- отсутствие систематических дискуссий между разными позициями и школами,
- слабость или отсутствие реального взаимодействия между фундаментальными исследованиями и прикладными разработками,
- отрыв исследований (в НИИ) от преподавания (в университетах),
- сугубо инструментальное отношение власти к социальным исследованиям («если не пиар нам, то секвестр вам»),
- «партийность» и низкопоклонство научных журналов (своим и начальству — «зеленая дорога», чужим и безвестным проникнуть весьма трудно, беспристрастное рецензирование — редкость) и т.д.

Остаются актуальными более глубокие, неявные причины:

- сохраняющаяся система дисциплинарного финансирования исследований, препятствующая межнаучной кооперации [27, с. 570-571],
- господствующая система оценки научного труда, стимулирующая регулярные публикации (на основе мелких исследований или вовсе при отсутствии таковых) и не стимулирующая долговременные, трудозатратные штудии,
- устойчивое взаимное равнодушие российских исследователей, в результате чего новые идеи и направления не поддерживаются, не получают отклика и гаснут,
- общая заниженность стандартов научной квалификации (особенно в провинции) и т.д.

Анализ внутренних причин интеллектуальной стагнации, проведенный Р.Коллинзом (утеря культурного капитала, комментаторское поклонение классике и погруженность в технические детали) [12, с. 655-659] может быть прямо приложен к проблеме интеллектуального кризиса в современной России [26, с. 118-124], но при некоторых модификациях модели картина становится яснее.

Речь сейчас нужно вести не об утере ранее накопленных достижений (это было верно для обрыва традиции после «философского парохода» и «великого перелома» конца 1920-х гг.), а о том, что *в сегодняшней России культурный капитал в социальных науках и философии практически перестал накапливаться*. Каждая новая волна интеллектуальной моды (из тех же США, Франции и Германии) почти полностью смывает предыдущие волны и обесценивает ростки самостоятельных исследований. Постструктурализм, постмодернизм, социальный конструктивизм, анализ случаев, дискурс-анализ захватывают умы, дискредитируя прежние подходы. Разумеется, кроме широких сменяющих друг друга волн, есть также параллельное одновременное влияние разных европейских и американских школ мысли на отдельные российские центры, но здесь глухота к прошлому оборачивается глухотой к чужакам.

Комментаторское поклонение классике, ярко выраженное в советскую эпоху по отношению к «классикам марксизма-ленинизма», теперь сменилось комментаторством по отношению к новым модным зарубежным книгам и

веяниям. Что встречается редко, так это чрезмерное внимание к техническим деталям. До этой фазы отечественные гуманитарии обычно не успевают дойти, поскольку их захлестывает новая волна интеллектуальной моды.

Антитеоретический консенсус — апология лени мысли

При всех этих многочисленных поворотах, как ни странно, сохраняется некая общая платформа, причем негативного характера. С упорством, достойным лучшего применения, философы, представители социальных и гуманитарных наук выражают свое презрение к «позитивизму», «мифам объективного знания», «линейности мышления», «абстрактным конструкциям», «кабинетной науке» и т.д. Вполне можно допустить частичное оправдание каждой инвективы, но я хочу обратить внимание на другое: вместе с грязной водой выбрасывают и ребенка — эмпирически подкрепленное теоретическое знание.

Соответствующую установку следует назвать широким *антитеоретическим консенсусом*. Именно ему была обязана бурным восторгом и до сих пор сохраняющейся популярностью книга Т.Куна «Структура научных революций». С тех пор утекло много воды, но антитеоретический консенсус среди социальных исследователей по-прежнему жив и процветает, переживая новые и новые накатывающие западных интеллектуальных мод.⁴

Нельзя сказать, что данная методологическая установка — исключительно отечественное достояние. Те же постмодернизм и социальный конструктивизм постоянно направляют свои критические стрелы против теоретического подхода и объективности знания. Однако в более развитой и уравновешенной западной интеллектуальной среде такие позиции *никогда не становились монополистами*, им всегда противостояли приверженцы эмпиризма, логицизма, номологизма, научного реализма, натурализма, разного рода объяснительных и тео-

⁴ Приведу характерную цитату, в которой критика политологии фактически представляет типичное неприятие самого теоретического подхода. Здесь есть и вековые предубеждения относительно «уникальности» и «неповторимости» «глубоко человеческих» явлений, и разоблачение неадекватности общего научного изучения «особой» и «нецивилизованной» России, и восхваление обыденного и «вольнорычкого» подхода в противовес строгому научному языку («птичьему формализованному»), в противовес общей, выраженной в научных понятиях, теории. «Уж больно странно, чтобы живую, иррациональную, эмоциональную, страстную человеческую деятельность, каковой является политика, можно было описать птичьим формализованным языком. Это под силу только науке исторической, оперирующей категориями оценочными, а языком — обыденным. Даже когда это та отрасль, которая именуется *current history* — текущей историей. Дело в том, что политолог не решается признать уникальность наблюдаемого процесса, а потому не переходит на обыденный язык, являющийся единственно адекватным современной российской политике, особенно когда речь идет о побудительных мотивах действий власти. Политолог не в состоянии признать их глубоко человеческий, обыденный — а значит, глубоко индивидуальный и неповторимый — характер. Это понятное дело, старая дискуссия о возможности исторической генерализации и неизбежности исторической индивидуализации. Политология вообще хороша там, где уже есть устоявшийся конвенционализм, где ясно, какие цели являются значимыми, что хорошо и что плохо. Одним словом, политология уместна там, где она и возникла, — в современном цивилизованном обществе. То есть в обществе открытом, информационном, демократическом, политкорректном. Где политический язык при всей его условности все же так понятен всем. Где есть сообщения, а не сигналы. Где причины имеют следствия, где сказавши «а», говорят «б». Россия же принадлежит иной науке — вольнорычковой истории, допускающей любые способы вербализации и формализации наблюдений над действительностью. [30, с. 221].

ретических подходов. В России широким консенсусом стала именно антитеоретическая установка.

Заметим, что эмпиризм и «позитивизм» достаточно развиты в отечественной социологии, экономике, регионоведении, демографии, пусть даже сами исследователи, ведущие эмпирические исследования и получающие положительное (позитивное) опытное знание, не признаются в своих методологических склонностях. Чего нет в наших социальных науках (за весьма редкими исключениями), так это настойчивой воли к формулированию и проверке теоретических гипотез на основе эмпирических сравнений, обобщений и опоры на уже имеющееся теоретическое знание.

Антитеоретический консенсус — лучшее самооправдание отсутствия интеллектуального творчества и лености мысли.

Заменители: «радость узнавания» и «разоблачение неадекватности»

Что же остается вместо этого? Наиболее распространенными представляются два взаимосвязанных явления (или как принято сейчас выражаться: «фигур речи»), которые я предлагаю назвать «радость узнавания» и «разоблачение неадекватности».

«Радость узнавания» — это основа той самой стратегии «съема», когда в местном материале удается обнаружить реалии, подходящие новым, модным и активно обсуждаемым понятиям в западной науке.

«Разоблачение неадекватности» — это привычные сетования на то, что западные понятия, в том числе классические и широко используемые, не имеют прямых (или вообще каких-либо) денотатов в российской действительности.

Общее в этих двух феноменах — сосредоточенность исследователей на операции интерпретирования теоретических понятий, операции важной, но частной и технической. Заметим, что оба этих феномена характерны, в том числе, и для добротных творческих работ авторитетных исследователей. Возьмем в качестве примера методологическое введение Л.Гудкова к его сборнику статей «Негативная идентичность». «Арсенал западных социальных наук обнаружил свою ограниченную пригодность и дескриптивную неадекватность. [...] Язык западной социологии был разработан для изучения принципиально иных институциональных систем, действовавших по иным правилам, нежели мобилизационное и милитаризованное советское общество-государство и многое сохранившая от него постсоветская Россия. В особенности это заключение справедливо для всего, что относится к "нормальному", рутинному режиму функционирования общества: в наших условиях такие категории, как, например, "социальная стратификация", "средний класс", "представительская политическая система", "президентская республика", "этика предпринимательства", "разделение властей", "элита", "гражданское общество" и прочее, имеют фантомный и идеологический характер» [6, с. 6].

Как видим, «разоблачение неадекватности» здесь выражено весьма сильно и убедительно. Имеется ли в книге второй феномен — «радость узнавания»? Он также присутствует, причем концепты для узнавания прямо указаны в следующей же фразе:

«Напротив, понятия "аномия", "посттравматический синдром", неформальное или гетерогенное право, монополия на насилие, "комплекс узилища", "ритуалы деперсонализации" и прочие в том же роде оказываются вполне эффективными и полезными в работе» [6, с. 6].

Книга Л.Гудкова выгодно отличается обилием позитивного эмпирического материала, интересным и содержательным обсуждением. Как же обстоит дело с теоретическим осмыслением? Увы, за пределы исторических интерпретаций и типологизации автору выйти не удалось. Нет ни явно сформулированных гипотез, ни попыток проверки.

Метафора не заменяет теорию

Практически в каждой статье сборника Л.Гудкова вместо теоретической модели довлеет органицистская метафора с сильными оценочными коннотациями: состояние современной России является не переходом (к чему-то иному и лучшему), а результатом «разложения» прежней тоталитарной системы, которая сама по себе была очень плоха.

Жесткие исторические интерпретации событий и процессов последних 15-20 лет, по сути дела, являются развертыванием вышеуказанной фигуры «разоблачение неадекватности». Практически все социальные и политические инновации (выборы, демократия, многопартийность) получают приставки «все-до» и «квази», а обычно одобряемые явления (идентичность, солидарность, мобилизация) — атрибут «негативный». Соответственно, постсоветский человек с его «негативной идентичностью» — это тип «лукавого раба», очередная модификация «советского человека» как устойчивой антропологической структуры, главного и весьма уродливого продукта той самой тоталитарной системы [6, с. 494].

Здесь я не хочу спорить с данной интерпретацией (в ней есть и убедительность и большой провокативный потенциал), а только указываю на отсутствие общих теоретических положений, которые другие исследователи могли бы проверять или использовать в своей работе.

Связано ли пренебрежение теоретическим подходом (систематической работой по формулированию и эмпирической проверке общих гипотез) с отмеченной выше «забывчивостью» отечественного обществознания — его подверженностью новым и новым волнам западной интеллектуальной моды, смывающим прежние темы, понятия и подходы?

Оказывается, связано, причем прямо и непосредственно. Теоретические положения были и остаются стержнем накопления обобщенных знаний, таких, которые могут быть использованы для получения новых знаний в другом месте

и времени. Теории и методы (а последние всегда основаны на явных или неявных теоретических предпосылках) — ядро культурного капитала науки. Стагнация наступает не только при *забвении* накопленного культурного капитала, но и *при отсутствии самих структур и механизмов накопления*.

Вернемся к книге Л.Гудкова, являющейся к настоящему времени наиболее эмпирически обоснованным, комплексным и продуманным взглядом на происходящие в современной России процессы.

Почему стержневая в книге органицистская метафора разложения системы и продуктов тоталитаризма при всей своей публицистичной яркости и провокативности не способна выполнять функцию накопления обобщенного знания? В ней есть лишнее, но нет необходимого. Лишней является нескрываемая негативная оценка (разложение – гниение – деградация), переводящая разговор, даже помимо воли автора, из научного плана в публицистический и идеологический. Необходимым же является явное выделение параметров (качеств, переменных) по которым происходит или не происходит трансформация социальных структур и институтов, общественного сознания, требуется также формулирование и проверка общих гипотез об условиях изменения значения этих переменных в том или ином направлении.

Основной структурный параметр, волнующий Л.Гудкова, вполне можно реконструировать. Это уровень самостоятельной и продуктивной гражданской самоорганизации и активности, способный привести к существенным позитивным изменениям в институциональной структуре общества. Автор постоянно фиксирует отсутствие такой самоорганизации и активности (низкие значения переменной), довольствуясь объяснением этого устойчивого феномена неизменными свойствами (пост)тоталитарных институтов. Последние благополучно пережили перестройку и последующее десятилетие, причем наиболее устойчивой оказалась структура самого (пост)советского человека — «лукавого раба».

За этими суждениями стоят неявные предпосылки, которые, будучи сформулированными, могли бы играть роль универсальных гипотез в смысле К.Гемпеля [4, с. 13-26].

- При разрушении общественных систем тоталитарного типа сформированные структуры (в том числе типовые структуры личности) сохраняются.

- Эти сохранившиеся структуры полностью блокируют продуктивную гражданскую самоорганизацию и активность.

Здесь в мои задачи не входит содержательное обсуждение верности или неверности этих или подобных теоретических утверждений. Мне важно показать, как работа с ними позволяет развивать теоретический подход. Как только универсальные суждения сформулированы, появляется возможность сопоставлять их с известным историческим разнообразием. Очевидно, что наибольший интерес представляют случаи более или менее успешного преодоления или самоизменения тоталитарных или близких к тоталитарным режимов (Германия,

Италия, Испания, Чили, Китай, страны Центральной Европы). Кроме того, в самой России имеется большое разнообразие и по уровню сохранности тоталитарных структур, и по уровню гражданской активности. Есть неплохие возможности исследовать *дифференцирующие условия*, определяющие стагнацию или динамику. Обобщенные теоретические результаты таких исследований составили бы «золотой запас» — тот самый культурный капитал интеллектуалов, который уже не смыть новомодными веяниями.

Кроме того, приходится напоминать и о непреходящей значимости старой истины: нет ничего практичнее хорошей теории. Л.Гудков направляет резкие, судя по всему, вполне справедливые инвективы в сторону «интеллектуальной элиты», неспособной представлять обществу осмысленный образ происходящего, ставить позитивные цели и т.д.

Представим в порядке мысленного эксперимента, что эта «элита» прониклась воззрениями Л.Гудкова относительно неизбежности тоталитарных институтов, безнадежности антропологической структуры «советского человека» — «лукавого раба» и т.п. В таком случае видятся три основных пути: либо цинично встраиваться в систему, не противостоя ее порокам, но используя их в узкоэгоистических целях, либо презрительно отойти в сторону (известная стратегия внутренней эмиграции), либо вовсе уезжать из этой «безнадежной страны».

Ни один из этих путей никак не отвечает заявленной ценности гражданской продуктивной самоорганизации и активности. Если же интеллектуалы будут осведомлены о дифференцирующих условиях динамики институтов и «антропологических структур», в идеале — о необходимых и достаточных причинах действительного (не декоративного, а сущностного) преодоления тоталитарного наследия, то появятся и фокус общего внимания, и поле для дискуссий, и новые цели и символы, и точки приложения сил.

Успешная теоретизация как счастливое сочетание обстоятельств и практик

Итак, одной из главных внутренних причин интеллектуальной стагнации в современной России является широко распространенный антитеоретический консенсус. Хорошо известны все применяемые аргументы против «иллюзий» позитивизма, объективизма, сциентизма, натурализма, т.е., по сути дела, против общенаучного подхода к выявлению закономерностей и фиксации их в эмпирически подкрепленных теоретических положениях. Возобновление этого старого спора представляется бесперспективным, поскольку широкое распространение и воспроизводимость феномена антитеоретического консенсуса в социальных науках в мире и, особенно, в России имеет не столько рациональные и методологические, сколько более глубокие, обычно не проговариваемые, социальные и психологические причины.

Рассмотрим вначале общие характеристики и условия социальных исследований, а затем специфически российские.

Обычно приверженцы номологического подхода (К.Поппер и К.Гемпель — самые яркие авторы) представляли его как общенаучную обязательную норму, что вызывало у гуманитариев понятный протест. Я же постараюсь показать, что *успешно используемый в естествознании подход является, скорее, счастливым сочетанием необходимых и достаточных компонентов, которое превратилось в обычную практику, получившую нормативный статус.*

Получение нового теоретического результата — это изысканное блюдо, для изготовления которого нужны особые, специально предназначенные ингредиенты. Если же таковые по каким-то причинам не известны или не доступны, то блюда получаются гораздо менее вкусными, что также становится обычным и получает свое оправдание (рационализацию) в виде антитеоретического консенсуса.

Компоненты успешности теоретического подхода хорошо известны:

- Познавательная цель, направленная на исследование общих закономерностей, причин и механизмов динамики изменения явлений.
- Систематическое эмпирическое исследование разнообразия случаев динамики с целью выявления инвариантов.
- Опора в осмыслении выявленных инвариантов на теоретические результаты прошлых исследований (часто чужих и отдаленных).
- Формулирование общих гипотез, поддающихся операционализации.
- Сопоставление случаев с различными значениями заданных параметров и последующие выводы относительно гипотезы.
- Проверка эмпирической подкрепленности гипотезы другими исследователями на другом материале, при положительном результате — пополнение (аккумуляция) общепризнанных теоретических положений.

Теперь покажем, что буквально каждый компонент оказывается проблематичным в сфере социальных исследований.

Почему требуемые ингредиенты отсутствуют

Познавательная цель, направленная на исследование общих закономерностей, причин и механизмов динамики изменения явлений. Такие цели в социальных науках не ставятся, в первую очередь, в силу самого сложившегося антитеоретического консенсуса (таким образом, здесь есть усиливающая обратная связь), но имеются и иные причины. Для выявления общих закономерностей необходимо обобщение разных явлений, но в социально-исторической действительности эти явления происходят в разных местах и в разное время, поэтому познавательный доступ к ним весьма затруднен.

Данное препятствие не является непреодолимым. Западные ученые используют большой массив результатов по теме, ранее полученных другими исследователями, причем в некоторых областях (антропология, социальное раз-

витие, экономика, политика) эти результаты даже объединены в обширные базы данных. При достаточном финансировании есть возможность организовывать исследования по единой программе в разных регионах и даже странах. Ясно, что возможности отечественных исследователей в данном аспекте, как правило, гораздо хуже. Поэтому работает принцип «виноград зелен».

Систематическое эмпирическое исследование разнообразия случаев динамики с целью выявления инвариантов. Здесь причины те же, но кроме внешней есть и внутренняя познавательная сложность: социальные реалии, конкретные обстоятельства и контекст, исторические корни изучаемых феноменов всегда разнообразны. Выработка и обоснование критериев допустимого отвлечения от различий, встраивание самих различий в методологию исследования — крайне сложная и кропотливая работа, не обещающая быстрого и яркого эффекта.

Поэтому зачастую выигрывает *идеология идиографии и предметного эксклюзивизма*, которая в пределе выражается примерно так: «мой материал исключителен; если когда-то и где-то происходило что-то подобное, то это поверхностные аналогии, не стоящие серьезного внимания; вместо поиска химеры «общих закономерностей» каждый должен детально и глубоко изучить только свой участок, сам не лезть на чужие и гнать со своего чужаков-теоретиков».

Опора в осмыслении выявленных инвариантов на теоретические результаты прошлых исследований (часто чужих и отдаленных). Прежде всего, проведем различие между «опорой на прежние теоретические результаты» и описанной выше «радостью узнавания». В последней исследователь подводит обнаруженное явление под известную (обычно модную западную) категорию. Опора на теоретический результат, разумеется, также предполагает множественные сопоставления явлений с понятиями, но этим не ограничивается. Прежний теоретический результат либо проверяется на новом материале, либо встраивается в объяснительную схему, что позволяет формулировать новые «надстроенные» общие гипотезы. Последние операции применяются крайне редко в большинстве социальных наук (может быть, за исключением таких математизированных областей, как экономика и демография). Общая трудность — слабая разработанность удобных компактных языковых средств представления нечисленных теоретических результатов и/или неумение пользоваться такими средствами.⁵ В российских социальных науках положение усугубляется весьма малым (или вовсе отсутствующим) накоплением общезначимых теоретических результатов: не на что опираться и нечего проверять.

Кардинальной значимостью обладает *использование ранее полученных теоретических суждений в последующих исследованиях в качестве основания*, здесь пересекаются "территории" методологии и социологии науки. Почему же в одних областях (социогуманитарном познании) ученые склонны игнорировать прежние теоретические суждения, заявляя собственную альтернативную

⁵ Систематическая инвентаризация методических, логических, языковых и графических средств была проведена в книге [22, Ч. II].

позицию, а в других областях (естествознании и математике) они зачастую берут такое суждение в качестве основания и продвигают дальше исследовательский фронт? Почему в одном случае что-то теоретическое суждение воспринимается как препятствие, а в другом — как трамплин к новым собственным свершениям?

Представляется, что в корне данного различия лежат три тесно взаимосвязанных фактора: 1) воспроизводимость эмпирических фактов, подкрепляющих теоретическое суждение, 2) готовность исследователей проверять эту воспроизводимость, 3) эффективность применения подкрепленных теоретических положений в планировании и проведении новых исследований.

По всем этим критериям социальные науки проигрывают, причем в пункте 2 российская ситуация наименее благоприятна. Есть пути решения данной проблемы [24], но здесь нет возможности углубляться в эту сложную область на пересечении методологии и социологии науки.

Формулирование общих гипотез, поддающихся операционализации. Разумеется, здесь также мешает идеология идиографии и предметного эксклюзивизма. Однако многие российские обществоведы любят делать обобщения. Нередко, отталкиваясь от анализа конкретного случая, они делают весьма широкие выводы общефилософского, идейного и ценностного характера. Такие высказывания хороши для нравственного позиционирования автора, но обычно малопригодны для последующего развития науки. Требуется весьма большая работа над тем, чтобы общее теоретическое положение стало операционализируемым. Однако, у нас всегда неясно, возьмется ли кто-то когда-то за проверку тезиса. Точнее, общее равнодушие к чужим исследованиям, отсутствие традиции подхватывания и развития чужих идей говорит о том, что работа по операционализации тщетная, поэтому мало кто ею и занимается.

Сопоставление случаев с различными значениями заданных параметров и последующие выводы относительно гипотезы. Фиксация на одном случае никогда не даст теоретического результата просто потому, что такой материал не позволяет отчленить существенное от множества привходящих конкретных деталей и особенностей. Приверженность статистике (например, в экономике и социологии) накладывает жесткие требования на величину выборки, количественную измеримость величин, что всегда ведет к значительному упрощению модели. Провальным, особенно в отечественном обществознании, оказывается *средний уровень — теоретический и эмпирический анализ небольшого числа специально отобранных случаев для проверки гипотез*. По-видимому, здесь совместно действуют факторы конфликтной поляризации «качественников» и «количественников», отсутствия ярких образцов исследований (блестящие классические работы Баррингтона Мура и Теды Скочпол [См. 34; 35; 36; 27, с. 230-251] о случаях социальных революций до сих пор не переведены и мало кому известны), общее недоверие гуманитариев к логике и логическим методам анализа причинности.

Проверка эмпирической подкрепленности гипотезы другими исследователями на другом материале, при положительном результате — пополнение (аккумуляция) общепризнанных теоретических положений. Поскольку общие операционализируемые гипотезы не формулируются, то и проверять нечего. Однако, я подозреваю, что и при появлении оных ситуация бы не изменилась. Когда Р. Карнейро опубликовал статью о происхождении государства, десятки антропологов вплотную занялись эмпирической проверкой и многие выступили с опровержениями теории стесненности, которые затем тот же Карнейро использовал для ее обогащения и развития [См. 31, Р. 733-738; 32, Р. 497 – 511; 27, с. 206-230]. Вероятно, нечто подобное имеет место в нашем естествознании, но в социальных науках ничего, даже отдаленно схожего, не происходит. Почему?

Кроме вышеуказанных факторов действует еще один: провинциальность российских социальных наук стала самопрограммируемой (ср. с известным эффектом самоисполняющегося пророчества). Мы сами привыкли думать, что в российской социальной теории ничего нового и оригинального появиться не может, поэтому никто и не будет инвестировать время и силы для проверки (тем самым, поддержки и популяризации) теории соотечественника. Периферия осознала себя периферией и уже поэтому останется ею на долгое время.

Почему же тогда не проверять теории, поступающие из западных интеллектуальных центров? Здесь оказывается настолько сильным соблазн «разоблачения неадекватности», что вкупе с идеологией идиографии и предметного эксклюзивизма они дают предсказуемый и бесперспективный результат: «тамошние теории, конечно, очень интересны, но у нас все совсем другое, поэтому теории эти не применимы и проверке не поддаются».

Выход: саморазвитие через идейный экспорт

Негоже фиксировать болезнь и не предлагать лечения. Разумеется, обширный список внешних и внутренних причин требует разноплановых действий по множеству направлений. Здесь укажу только, как можно преодолеть главный, с моей точки зрения, тормоз интеллектуального творчества — антитеоретический консенсус.

Нравится нам или нет, но геокультурные зоны интеллектуального престижа⁶ лежат вовне России — на Западе. С этой реальностью приходится считаться, более того, нужно знание данного факта использовать. Важное следствие: российские исследователи и исследования получают наибольший престиж на родине, будучи признаны на Западе.

Прорвать антитеоретический консенсус нельзя методологической полемикой, но можно — высоким престижем теоретических работ. Чтобы такие работы были поняты и признаны на Западе, они должны трактовать (развивать,

⁶ См. [33, Р. 421-437]. Модель Коллинза использовал Г.Дерлугьян (цит. соч.) для объяснения неэквивалентного интеллектуального обмена между США и Россией.

обогащать, либо опровергать) признанные и наиболее активно обсуждаемые западные же теории и модели.

Первой практической задачей становится составление перечней теоретических положений в каждой предметной области для эмпирической проверки (излюбленную нами методологическую и чисто теоретическую критику, увы, мало ценят). В свое время я предпринимал попытку составить такой перечень взаимосвязанных положений для микро-, мезо- и макросоциологии,⁷ но понимаю, что это лишь первый небольшой шаг в требуемом направлении.

Далее «дело за малым»: начать и кончить теоретико-эмпирическое исследование, в результатах которого должны содержаться сильные и подкрепленные данными утверждения относительно известных в соответствующей западной науке теорий и моделей, затем приложить большие усилия для публикации результатов в наиболее авторитетных отечественных и, главное, западных журналах, добиваться включения своих идей и результатов в западные дискуссии, после этого — пропагандировать и расширять такого рода исследования в России, привлекать молодежь.

Трудно? Очень. Но без этих усилий можно смело прогнозировать, что даже редкие появляющиеся в России исследования не получают резонанса, авторы их уедут за рубеж или уйдут из науки, антитеоретический консенсус будет, как и сегодня, править умами, интеллектуальная стагнация продолжится. Тогда последующие «раунды рефлексии» относительно интеллигенции и интеллектуалов, последующие проекты по «мыслящей России» будут по-прежнему фиксировать тотальный дефицит творческой мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бродячая конструкция. Беседа с Вячеславом Глазычевым* // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.
2. *Война и геополитика. Альманах «Время мира»*. Вып.3. Новосибирск, 2003.
3. *Воронков В.* Чему альтернативная «альтернативная» социология // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.
4. *Гемпель К.* Функция общих законов в истории // *Время мира*. Вып.1. Новосибирск, 2000.
5. *Гудков Л.* В отсутствии «общества» // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.
6. *Гудков Л.* Негативная идентичность. М., 2004.

⁷ См. [25]. Та же работа является разделом в книге [15, с. 417-446].

7. *Демографические исследования в России: история, состояние и перспективы.* Интервью с Анатолием Вишневым // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.
8. *Дерлугьян Г.* Россия на подвижном горизонте Америки: механизмы неэквивалентного обмена в геокультуре // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.
9. *Интеллектуальные журналы. Беседа с Борисом Дубинным* // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.
10. *Исследовательские институты: состояние и проблемы. Беседа с Вадимом Радаевым* // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.
11. *Кильдюшев О.* Внешняя политика // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.
12. *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
13. *Куренной В.* Интеллектуалы // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.
14. *Кустарев А.* Нервные люди. Очерки об интеллигенции. М., 2006.
15. *Макродинамика: закономерности геополитических, социальных и культурных изменений.* Новосибирск, 2002.
16. *Маяцкий М.* Образ российской мысли во Франции // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.
17. *Межуев Б.* Геополитика // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.
18. *Мифологемы знания. Беседа с Симоном Кордонским* // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.
19. *Негуманитарная эпоха. Беседа с Александром Ивановым* // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.
20. *Плотников Н.* Русские интеллектуалы в Германии // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.
21. *Политическая теория. Беседа с Борисом Капустинным* // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.
22. *Разработка и апробация метода теоретической истории.* Новосибирск, 2001.

23. *Региональные исследования. Беседа с Юрием Перелыгиным // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.*
24. *Розов Н.С. Возможные ли «быстрые открытия» и накопление знаний в социальных науках? // Макродинамика: закономерности геополитических, социальных и культурных изменений. Вып. 2. Новосибирск, 2002.*
25. *Розов Н.С. Номологический синтез теоретических знаний об истории и культуре (проект интеллектуальной стратегии) // В диапазоне гуманитарного знания. СПб., 2001.*
26. *Розов Н.С. О «Социологии философии» Р.Коллинза и об интеллектуальной стагнации // Вестник Российского философского общества. 2001. № 2.*
27. *Розов Н.С. Философии и теория истории. М., 2002.*
28. *Филиппов А. Теоретическая социология в России // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.*
29. *Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. 1999. № 4.*
30. *Шушарин Д. Наблюдение за наблюдателем // Логос. 2004. № 2 (42).*
31. *Carneiro, R. A Theory of the Origin of the State // Science. 1970. Vol. 169.*
32. *Carneiro R. The Circumscription Theory: Challenge and Response // American Behavioral Scientist. 1988. № 31.*
33. *Collins R. Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact // International Sociology. 2001. Vol. 16 (3).*
34. *Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1966.*
35. *Skocpol Th. Social Revolutions in the Modern World. N.Y., 1994.*
36. *Skocpol Th. States and Social Revolutions. N.Y., 1979.*